

Он был вожаком

Г. Шур

Памяти В. Сафронова

«И дожить не успел,
Так хотя бы допеть...»

В. Высоцкий

Не успел...

Да, Володя, как и все творческие личности, многое не успел.

А то, что он был личностью творческой, у меня, да, думаю, и у всех, с кем он имел дело, сомнений не вызывало. Творчество его определялось просто. Все, что ни делал Володя, имело свой венец, была ли это очередная карта, подростки, которых он выводил на тропу ориентирования, очередная инспекция туристского маршрута на Всероссийских слетах или на Первенстве учащихся по ориентированию, тяжелейший горный поход на Кавказе, кладка плитки или... электропроводка.

Я всегда завидовал ему, потому что он умел делать все — и написать методику, и склеить лыжи, и сшить штормовку, по-взрослому поговорить с пятилетним ребенком и поставить при необходимости на место своего товарища, особенно на заседаниях судейской коллегии. При всем этом он был вожаком — долгое время возглавлял Саратовскую федерацию спортивного ориентирования, был директором областного клуба туристов (правда, маялся от всяких отчетов). В нем сидела деревенская косточка, и, видимо, оттуда гены председателя колхоза. О его деятельности в областной Станции юных туристов в качестве методиста и заведующего отделом стоит сказать особо. Володя и его товарищи, а не только директор Юрий Соловьев, первые в России запланировали и, главное, выполнили свою задумку, о которой мы и сейчас мечтаем — каждой школе спортивную карту. Володя не вылезал из командировок, выезжал в сельские районы области, где рисовал карты и проводил соревнования. Закончилось все это стройной системой розыгрыша многотурового Кубка области по зонам и выходом в финал.

Я был всегда в курсе событий, жили мы рядом, я в Куйбышеве, Володя в Саратове. Светла нас судьба где-то в 1968—70 годах, мы с командами ездили на слеты, соперничали на зонах и российских соревнованиях, придумывали старты, на которые съезжались ориентировщики, достаточно жестко инспектировали авторские карты — короче, творчески дружили соседями. Близки были по возрасту и по образованию (оба не имели высшего образования), хотя Володя поступал в четыре вуза и поступил, но не закончил ни одного, по преданности ориентированию, оставаясь в то же время самими собой. Споры наши не были сладкими, но и разминать нас не надо было, уважение друг к другу всегда брало верх над всем остальным. Я никогда не слышал от него бранных слов, поражаюсь его отношению к детям (проработать с детьми 35 лет и не разочароваться!), видя его в палаточном городке, терпеливо объясняющим ребятам ошибки очередного старта. Летние лагеря, вечные разъезды, бытовые неудобства, ответственность за ребятшек не отпугивали Володю. Кто знает, может быть это помешало ему создать свою семью? Мы эту деликатную тему никогда не затрагивали. Я знаю, что он нравился многим, но... не случилось, что было, то было.

Злой рок настил его — автомобиль «впечатал» его в стену дома около магазина «Кристалл» на Волочаевской. Он не был зазевавшимся пешеходом, спокойно шел по тротуару, ничего не подозревая, а машина как бы гонялась за ним и настигла его. В этот же день около 11 дня Володя спешил на конно-спортивный комплекс «Битца», где должен был поставить дистанцию для финала многотурового «Кубка парков Москвы» — 2003 го-

да», на первой и, к сожалению, последней карте в Москве, которую он нарисовал. Спокойно переходя широкое шоссе, он остолбенел на середине — на высокой скорости всего в 20 см от него пронесся джип! Мистика? Может быть, но факт есть факт. Соревнования прошли празднично и весело. Все поздравляли Володю, я видел, он был доволен. Тем более, что он был приглашен и на пьедестал. В жесточайшей борьбе в течение всего сезона он все же немного уступил, но и второе место и призы от Фишера — тоже неплохо. К вечеру мы попрощались, Володя не пошел ночевать к нам, так как в последнее время жил в «доме на Лузе» — Центре детского-юношеского туризма у Ю. Константинова и собирался рано утром поехать в Щелковский район заканчивать карту. Так что мы все были уверены, что Володя занят делом. Через восемь дней его отсутствия, почувяв неладное, я начал искать и нашел его в морге. Ни писать, ни говорить об этом не хочется. Уже много раз я описывал эту жуткую действительность, в которой столкнулся с бюрократической машиной и «родной» милицией. Всякие вопросы мне задавали, но один и тот же задавали все, да и я не получил ответа на него у властей — почему не сообщили о Володе по месту прописки в Саратов, ведь паспорт был при нем? Близкие родственники А.С. Пушкина, проживающие на периферии, стараниями шефа жандармерии А.Х. Бенкендорфа, узнали о смерти поэта через 15—20 дней! Что же говорить о Володе? Прошло уже достаточно времени, а прийти в себя не могу. И от нелепости случая, и от всей этой эпопеи, да еще каждый день, идя на работу, прохожу рядом с этим лобным местом.

Хоть каким-то утешением служат для меня карты, которые мы с Володей сделали в 2002 году. Это парк подмосковных городов Химки и Сходня, где я «раскручиваю» сейчас ориентирование. Планы у нас были серьезные и долгосрочные, он, правда, с трудом приживался к московской жизни, но все же я убедил его, что в Саратове ему сидеть бесперспективно. Я находил ему объемы рисовки, достаточно оплачиваемые, знал, что он никогда не скалтурит. Вернуться к рисовке карт после большого перерыва трудно, а Володе тем более, так как один глаз стал у него отказывать. Как-то я увидел, что у него все плечо в синяках, спрашиваю — в чем дело? Да иду в лесу, «щелкаю» азимуты и вдруг бац плечом в дерево, потом опять и опять. Лишь позже сообразил, что глаз-то не видит. Заработав денег, он сделал операцию — ему заменили хрусталик, и он, радостный, вернулся в наш дом, сменив очки с +4 на +2! Карты его появились и на окраинах Котласа, и в Московской области. Осталось «взять» Москву, что было не так-то просто сделать. Ему это удалось, и поминал он успех именно в этот роковой день — 22 сентября. Надо отдать должное организаторам соревнований — во Фрязево (Щелковский район) старт был посвящен Владимиру Алексеевичу. А в памятной галерее, на мемориальных соревнованиях в Москве «Памяти друзей» появилась фотография В.А. Сафронова, это первый немосковский спортсмен, удостоенный такой чести.

У нас дома, куда не кинь взгляд, все напоминает о Володе: и полки он сколотил, и медали мне теперь есть куда вешать, но самым памятным все же служит «иконostas» — выложенная им стенка из плитки на кухне, сделанная по проекту Валентины.

Когда у нас бывают гости, а это в большинстве своем ориентировщики, мы вспоминаем Володю.

Он как-то сказал: «Ген, вот я могу на плитке зарабатывать в пять раз больше, чем на картах, но мне это не интересно. Карты и старты, это то, что мне сейчас нужно. Мечтаю съездить на чемпионат мира».

Вот такой был наш Володя, таким и останется. На скромных похоронах, перед кремацией, Юрий Переляев прочел стихи, посвященные Володе; на мой взгляд, он попал в точку. Эти стихи уехали в Саратов и были зачитаны на гражданской панихиде. Низкий поклон тебе, Юра, от друзей и товарищей Владимира Алексеевича.

*В последний, долгий путь сегодня
Пришли мы друга проводить,
Заждался, нас, небось, Володя,
Но все же строго не суди*

*За то, что сразу не хватились,
Что не почуяли беды...*

*А дни ненастные капились,
И дождь смыл твой следы*

*На склонах и тропинках в Битце,
Где ставил ты КП для нас.*

*Кто знал, что так могло случиться,
И видимся в последний раз.*

*Последний раз пожали руки,
Сказав привычное «пока»!*

*Никто не чуял, что в разлуке
Умчишься ты за облака.*

*Ты был спортсменом и трудягой,
Нарисовавшим кучу карт,*

*Как мы, немножечко бродягой,
Всегда принять готовым старт.*

*Ты первым прибежал не раз,
Осилив километров тыщи.*

*Никто не слышал, что бы «пас»
Ты в жизни произнес, дружисе.*

*Еще бежать бы да бежать,
Ведь сил осталось много, вроде,*

*И вот на финише опять
Опередил ты нас, Володя.*

*Как пережить нам боль утраты,
Не скрещь все «мерсы» сгоряча...*

*Саратова лишен Саратов,
Москва лишилась Москвича.*

*Прости, Володя, что так случилось,
Прости, что не дожил свой век,*

*Прости Москву, уж сделай милость,
Прощай, хороший человек.*

Юрий Переляев,

г. Москва, 09.10.2002